

К современной философии истории

Настоящая статья представляет собой попытку построения современной историософии средствами философии культуры. В ней раскрываются культурные механизмы развития исторического процесса в его различных – конструктивных и деструктивных – формах.

Ключевые слова: конструктивная и деструктивная напряженность, медиация, инверсия, эристика, расщепление концептов, культурное «ядро».

1

Исторические повороты, т. е. резкие, даже кажущиеся неожиданными *смены векторов исторического развития*, обыкновенно связаны с изменением политического строя или политического курса, которые приводят к кардинальным трансформациям образа жизни, характера хозяйства, экономического и международного положения страны, идеологии и духовного состояния общества.

Очевидно, что исторические повороты обусловлены не столько волевыми усилиями отдельных исторических лиц и тем более не стечением благоприятных или неблагоприятных для исторического развития обстоятельств (связанных с историческими случайностями), сколько общей социокультурной ситуацией и культурной атмосферой, которые побуждают исторических лиц действовать именно таким, а не иным образом, а исторические обстоятельства – складываться так, а не иначе. Следовательно, существуют закономерности, лежащие в основании поворотов истории, которые могут быть проанализированы в общем виде.

Исторические повороты, по всей видимости, бывают вызваны какими-то тектоническими «толчками», происходящими в ментальной сфере, что связано с обострениями ключевых проблем исторического развития, требующими принятия радикальных решений, способных переломить проблемную ситуацию и привести к обновлению социокультурной среды.

Речь должна идти о «*проекциях*» первотектональных упорядочивающих интенций в *проективные поля жизненного пространства человека*¹, с той разницей, что феномен «первотектональных проекций» изначально действует на «нулевом цикле» культурогенеза, где происходит «формирование универсально инвариантных матриц смыслообразования»² (числовых, визуальных, ролевых, мифологических), а в данном случае речь идет о гораздо позднейшем – вторичном или даже третичном – этапе первотектональных проекций, когда складываются столь же универсальные матрицы, но исторического смыслообразования (модели исторического процесса), для которых стихийно находятся в общественной среде наиболее адекватные организаторы, исполнители и практические формы реализации соответствующих интенциональных проекций.

Проблема исторических поворотов, как полагают такие философы культуры, как А.С. Ахиезер, А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, заключается во взаимодействии и чередовании культурных механизмов *конструктивной напряженности*³ – *инверсии* и *медиации*⁴. Если инверсионные процессы представляют взаимодействие полюсов бинарной оппозиции в рамках *закрытой* системы, неспособной к порождению новых смыслов, а значит, и к историческому развитию, то медиативные процессы направлены на «снятие» бинарной оппозиции за счет становления новых, промежуточных смыслов при условии *открытости* системы⁵. Это означает, что исторический выбор механизмов культурной напряженности зависит от чередования модусов «*открытости*» / «*закрытости*» общественной системы.

Историческое развитие данной системы может идти либо по пути раскола, неизбежного при инверсии; либо по пути его преодоления (в случае медиации). С этим же связано объяснение исторической дискретности и цикличности в развитии культуры и общества (например, семичленные циклы в концепции «критики исторического опыта России» А. Ахиезера). В конечном счете, различные этапы и циклы в развитии каждой локальной цивилизации разделены (и одновременно соединены) судьбоносными историческими поворотами, которые в принципе необъяснимы через функции инверсии и медиации.

Однако наряду с культурными механизмами конструктивной напряженности, в истории есть и другие регулятивные механизмы, которые можно назвать механизмами *деструктивной напряженности*. Они еще менее изучены, по сравнению с механизмами конструктивности. Одним из таких социокультурных регулятивов является *эристика* (от *греч.* *eristikon*, 'искусство спора')⁶. Смысл этого регулятивного механизма заключается в *отказе от выбора* существующих альтернативных стратегий, в стремлении оказаться «по ту сторону» любых бинарных оппозиций. Вмешиваясь в спор между медиацией и инверсией, эристика моделирует социокультурную пассивность и ситуационное безразличие.

В кризисные, «смутные» эпохи, на «сломе» эпох именно эристика, создавая «зону ценностно-смысловой неопределенности» и апеллируя к модусу *открытости*, размывает критерии оценки и границы между различными сферами, способствуя радикальной переоценке ценностей, пересмотру готовых стереотипов и клише, помогая преодолеть конфликт интерпретаций. В этом состоит не только деструктивное, но и позитивное содержание этой разновидности социокультурной напряженности, выполняющей функцию *перекодирования* культурной семантики со «старого» символического языка на «новый», т. е. выступает как имплицитный механизм *перехода* от одной культурно-исторической парадигмы к другой⁷.

В условиях спада общественной активности или политической смуты эристика вытесняет с исторической арены как медиацию, так и инверсию, демонстрируя *деструктивную напряженность*, блокирующую какой-либо социокультурный выбор личности, группы и общества в целом и превращающую сам перебор вариантов решений в условную игру, в своего рода «искусство для искусства». Однако длительное сохранение смысловой неопределенности в историческом процессе невозможно: семантически «пустое» пространство притягательно для непредсказуемых стихийных процессов, чреватых социокультурным «взрывом» или инициирующих тот или иной исторический поворот, что и происходит каждый раз при росте эристических процессов в культуре.

Другой механизм деструктивной напряженности – «расщепление культурного ядра»⁸. Деструктивность этого механизма, лежащего в основе революционных процессов и переворотов в истории общества и культуры, проявляется в том, что неожиданно выясняется «расслоение» значений ключевых слов, понятий, концептов культуры на два противоположных, взаимоисключающих смысла. Это означает, что общество или сообщество, при наличии

общего национального языка, фактически использует для общения два *разных культурных языка*, находящихся в семиотическом конфликте и присвоенных разными сообществами с противоположно направленными интересами, ценностными ориентациями, идеалами и социокультурными практиками («две культуры»). За «спором о словах» начинается ожесточенная борьба за достижение противоположных целей.

Дивергентные процессы в обществе и культуре в такие периоды одерживают верх над процессами *кумулятивными*, и происходит *интериоризация* социального конфликта в глубинные структуры культуры и ментальность. В результате столь обострившейся социокультурной дивергенции *раскол* общества и дальнейшая *эскалация конфликта* (вплоть до гражданской войны) становятся неизбежными, неотвратимыми. В этом отношении механизм «расщепления» концептов гораздо деструктивнее эристики.

Эристика способствует возникновению в культуре интенционального «вакуума», семантического «зияния», дающих повод для инициации исторических инноваций. «Расщепление культурного ядра» порождает «конфликт интерпретаций», семантический «хаос», диссонанс перечисляемых смыслов, – состояния, требующие культурно-исторического сдвига, резкой смены парадигм. Чаше всего разрешение подобных смысловых «скоплений» происходит в форме социокультурного взрыва с непредсказуемыми разрушительными последствиями⁹. В одних случаях социокультурный взрыв принимает форму революции, в других – гражданской войны, в третьих – Большого террора (или других версий массовых репрессий).

В результате действий обоих культурных механизмов деструкции – эристики и/или расщепления концептов – возникает *пространство смысловой неопределенности (энтропии)* – состояние культуры, которое не может сохраняться долго. Любая человеческая деятельность связана с ограничением неопределенности; ее цель – «превращение неопределенности в частичную определенность», «преобразование энтропии во что-то более упорядоченное, структурированное»¹⁰. Собственно, в этом состоит смысл исторических поворотов, направленных на *преодоление* социокультурно-исторической энтропии, на *выход* из ситуации смысловой неопределенности.

Современный французский философ Ален Бадью ввел в научный обиход понятие «*готовность к событию*» как особенность стратегии человека или общества, готовых к ситуации неопределенности.

«Быть готовым к событию» – значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. <...> Быть готовым к событию – значит быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями¹¹.

Признание этого означает, что «неопределенность, помимо неприятных эмоций, содержит в себе важный позитивный потенциал для человека, который может, выработав в себе адекватную позицию по отношению к неопределенности, ощутить присущие ей позитивные возможности»¹². Сказанное относится и к сообществу, и к большому обществу: ситуация смысловой неопределенности мобилизует ее субъекта, его готовность к ней, затем – его готовность к будущему событию, к предстоящему историческому повороту – возможному, неизбежному, необходимому... И, наконец, – к непосредственному участию в историческом повороте.

2

В любом историческом процессе важно различать разные типы процессуальности – эволюционные и революционные. Речь идет не только о социальных и политических процессах, но и процессах культурных. Как известно, В.И. Ленин, которого как теоретика и практика революции интересовала лишь политическая сторона революционных процессов (а культурная сторона, в его представлении, всегда подчинена политике), определял революционную ситуацию, неизбежно предшествующую революции, через *нежелание* и *невозможность* «верхов» и «низов» общества сосуществовать в прежнем режиме¹³. Соответственно, возможность и желание взаимного сосуществования «верхов» и «низов» в рамках сложившихся отношений характеризует эволюционные процессы.

Теоретик русского символизма А. Белый в своем культурфилософском эссе «Революция и культура» (1917) представлял соотношение революции и эволюции, во-первых, через противостояние политики и культуры (где революция означала политическое действие, а эволюция – сотворение культуры); во-вторых, через чередование революционно-политических процессов и эволюционно-культурных (где революция выполняет функцию «толчка» – «зачатия творческих форм» и разрушения старых форм, а эволюция – творческое воплощение духа, оформление жизни); в-третьих, – через диалог революции и культуры, в котором проис-

ходит их взаимное влияние и одухотворение, т. е. взаимное проникновение революционных и эволюционных процессов в истории¹⁴.

Русский религиозный философ Н. Бердяев в своей программной статье «Революция и культура» (1905)¹⁵, представлявшей собой полемический отклик на скандальные «Заметки о мещанстве» М. Горького и не менее одиозную статью Ленина «Партийная организация и партийная литература» (опубликованные одновременно в горьковской газете «Новая жизнь»)¹⁶, исходил из того, что в революции всегда соединены социально-политические и культурные моменты, однако соединены противоречиво, конфликтно. И главное противоречие русской революции заключается в столкновении «правды социальной справедливости» и «неправды отрицания и вражды к благородным ценностям» культуры¹⁷, т. е. в антагонизме политического и культурного дискурсов. Наблюдая за творчеством своих главных оппонентов, Бердяев пришел к заключению, что революция в своем отношении к культуре и духовной свободе подражает реакции и учится у консервативно настроенной самодержавной России, заражаясь ее нигилизмом и вандализмом, накопленными в процессе эволюции.

Отсюда, по Бердяеву, ведет свое происхождение и «проект полицейской организации литературы, предложенный самоновейшим инквизитором г. Лениным», и горьковское обвинение русской литературы, философии, эстетики, нравственных и религиозных исканий, даже самого гуманизма (включая творчество Л. Толстого и Ф. Достоевского) в «мещанстве». И хотя Бердяев был склонен видеть в ленинском и горьковском «антикультурном» нигилизме прежде всего нарочитое проявление «культурного и политического хулиганства» русских революционеров, он одновременно приходит к глубоким обобщениям, позволяющим понять и объяснить культурные механизмы революции.

Философ заметил, что слова, к которым прибегают в своей полемике представители противоположных полюсов расколотой русской культуры – радикальных революционеров, с одной стороны, и либеральной интеллигенции, с другой, – имеют взаимоисключающие значения: «мещанство», «свобода», «человек», «народ», «интеллигенция», «творчество», «культура» и т. п. Это означало, что представители одной национальной культуры (русской) в принципе не понимают друг друга, потому что вкладывают в название одних и тех же предметов, явлений, процессов принципиально разный смысл – политический и культурный.

«Расщепление» этих базовых концептов (а вместе с ними и всего «ядра» культуры) происходит по принципу взаимного отчуждения

политического и культурного значений в каждом из них. Кроме того, в речевом обиходе предреволюционной эпохи соседствуют слова в прямом и переносном значении (у Бердяева фигурируют: человек и «Человек», свобода и «Свобода»¹⁸); первые, как правило, аккумулируют в себе прямой социальный и политический смысл; вторые – несут философско-метафизические, религиозно-мистические и мифопоэтические смыслы, выходящие далеко за рамки значений, очерченных первыми, а по существу – исключают их.

Стоит задуматься над тем, как социокультурные механизмы реализуют «расщепление» базовых концептов культуры, – т. е. фактически разрушение менталитета данной культуры. Эти механизмы, как уже говорилось, характеризуют деструктивную напряженность культуры, ведущую к потере культурной и цивилизационной идентичности и распаду культурного целого изнутри, и готовность истории к резким поворотам.

Механизмы *конструктивной напряженности* – инверсия и медиация – отвечают за эволюционное развитие социума и культуры. Так, *медиация* размывает изнутри дуальную оппозицию, формируя зону «между» смысловыми полюсами – срединную культуру, а вместе с ней инициирует порождение новых значений и смыслов, способствующих историческому развитию культуры по пути социального и культурного прогресса. *Инверсия* представляет собой развитие дуальной оппозиции, исключающее формирование срединной культуры и состоящее в нагнетании противостояния исходных смысловых полюсов, чреватого расколом культуры и социума. Это – также механизм эволюционного развития, но развития тормозящего, ориентированного на воссоздание прошлого, воспроизводство архаики, культивирование традиции и традиционности в культуре, нередко ведущие к социальному и культурному регрессу.

Деструктивная напряженность в культуре возникает в том случае, когда механизмы инверсии и медиации вступают в противоречие между собой и «погрязают» во взаимной борьбе. Инверсия консервирует бинарность и блокирует складывание срединной культуры, разделяющей и соединяющей контрастные смысловые полюсы. Медиация, напротив, моделирует тернарность, «снимая» дуальную оппозицию в культуре за счет формирования области нейтральных значений¹⁹.

В результате обострившейся борьбы разнонаправленных механизмов конструктивной напряженности – инверсии и медиации (как это происходит во время революции) – возникает зона особой плюралистичной *ценностно-смысловой неопределенности*, в которой смешиваются бинарные и тернарные структуры, сталкиваются

между собой дивергентные и конвергентные процессы, возникает «срединная культура», фактически не являющаяся таковой, поскольку новообразованная область «между» оказывается изначально расколотой, внутренне раздробленной и потому неспособной выработать компромиссные решения в отношении поляризованного ценностно-смыслового пространства. Это уже не семиотическая «пустота», которая обычно предшествует обычным историческим поворотам, а, скорее, – «переполненность» различными смыслами («снятыми», актуальными, потенциальными) на грани хаоса.

Возникновение пространства многовекторной ценностно-смысловой неопределенности – необходимое условие революции и сопровождающего ее социокультурного «взрыва». Плюралистическая ценностно-смысловая неопределенность (выражаемая в русской ментальности, в частности концептом «авось»²⁰), во-первых, затрудняет само принятие решений, а, во-вторых, дезориентирует субъекта культуры при выборе определенного решения среди множества альтернативных и взаимоисключающих задач. Образуется бессистемный «ком» взаимоисключающих смыслов и значений, происходит хаотизация и деструктуризация культуры, а вместе с ней и социума, и исторического процесса.

Пушкинская вещая оценка «русского бунта» как «бессмысленного и беспощадного» проливает свет на социокультурную семантику революции вообще: в разнонаправленных процессах и взаимоисключающих оценках нет и не может быть смыслового единства и конструктивной организации, а нарастающая интенсивность столкновений и борьбы противоположных сил и тенденций не находит в социокультурном контексте сдерживающих или ограничивающих факторов, что порождает эскалацию деструктивных процессов и следом – «цепную» реакцию распада общественного целого.

Эристика направлена *вовне* и способствует расширению пространства смысловой неопределенности, распространяя процессы хаотизации культуры вокруг возникающих проблемных узлов – центров деструктивной напряженности. Собственно «расщепление» направлено *вовнутрь* культуры и способствует углублению смысловой неопределенности и поэтапному распаду ментальности – вплоть до самых глубинных ее структур – посредством деления базовых концептов на противоположные и часто взаимоисключающие смыслы. При ускоряющемся «расщеплении» множества системообразующих концептов культуры *распаду* подвергается само «ядро» культуры, сосредотачивающее в себе совокупность взаимосвязанных ценностно-смысловых ориентаций и универсалий, удерживающих целое в границах силового поля культурно-цивилизационной идентично-

сти. Системообразующее «ядро» культуры вытесняется аморфным «комом» амбивалентных смыслов.

Первый из названных деструктивных механизмов – *эристика* – представляет собой *гиперболизацию медиации*, порождающей новые смыслы и значения не только в области «между» противоположными полюсами, но и в области «вокруг» них (ассоциативный «ореол», размывающий границу, отделяющую культуру от ее контекста). Другой механизм – *расщепление* – означает *гиперболизацию инверсии*, не ограничивающейся культивированием уже сложившейся бинарности, но и реализующей *интериоризацию* этой бинарности внутрь каждого значимого концепта (символа, понятия, образа и т. п.), что и означает «расщепление» культурного «ядра».

В кризисных (в том числе революционных) ситуациях медиация осложнена (надстроена и искажена) инверсией; а инверсия осложнена медиацией. Возникает постоянное стяжение и столкновение двоичных и троичных смыслов, трудно совместимых между собой (четность/нечетность, дивергенция/конвергенция, делимость диад и триад лишь на самоё себя), что усугубляет смысловую неопределенность и хаотичность кризисной ситуации за счет стихийного умножения противоречивых смыслов и усиливает драматическую непредсказуемость дальнейшего исторического процесса (революционно-разрушительной направленности).

Обратный переход революционных процессов в эволюционные объясняется угасанием активности деструктивных механизмов и возрождением конструктивных тенденций, связанных с медиацией или инверсией (уже разъединенных между собой и принадлежащих разным дискурсам). Стимулом для подобного перехода становится возникновение в культуре новых смыслов и значений, новых идеалов и целей, новых концепций развития и историософских теорий. Не только культура – феномен истории, но и история – феномен культуры.

Примечания

¹ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). 3-е изд., испр. и доп. М.: Новый хронограф, 2008. С. 863–864.

⁴ См.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 59–74; Ахиезер А.С. Указ. соч. С. 859–861, 870–872.

- ⁵ *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Указ. соч. С. 67.
- ⁶ *Кондаков И.В.* Медиация среди других типов «конструктивной напряженности» // *Философские науки.* 2014. № 4. С. 112–113.
- ⁷ *Кондаков И.В.* Эристика как феномен культуры // *Кондаков И.В. Вместо Пушкина. Незавершенный проект: Этюды о русском постмодернизме.* М.: Изд-во МБА, 2011. С. 13–17 и далее.
- ⁸ *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 387.
- ⁹ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. С. 176–179, 257–258, 264–265.
- ¹⁰ *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г.* Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016. С. 48.
- ¹¹ *Бадью А., Тарби Ф.* Философия и событие: Беседы с кратким введением в философию А. Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. С. 20–21.
- ¹² *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г.* Указ. соч. С. 10.
- ¹³ См. подробнее: *Ленин В.И.* Маевка революционного пролетариата // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 23. С. 300; *Он же.* Крах II Интернационала // *Там же.* Т. 26. С. 218, *Он же.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // *Там же.* Т. 41. С. 69–70.
- ¹⁴ Цит. по: *Белый А.* Революция и культура // *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 296–308, особенно: С. 300, 301.
- ¹⁵ *Бердяев Н.А.* Революция и культура // *Полярная звезда.* 1905. № 2. См. также: *Бердяев Н.А.* Sub specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907. С. 374–381.
- ¹⁶ Горьковские «Заметки о мещанстве» печатались в газете «Новая жизнь» за 1905 г. (№ 1, 4, 12, 18), а ленинская статья – там же, в № 12 за 1905 г.
- ¹⁷ Цит. по: *Бердяев Н.А.* Революция и культура // *Бердяев Н.А.* О русских классиках. М.: Высш. школа, 1993. С. 253.
- ¹⁸ Там же. С. 258.
- ¹⁹ См.: *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. С. 176–189, 257–265.
- ²⁰ См. подробнее: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 76–79.